

IV. ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ

С. В. Баженов, младший научный сотрудник

ПЕРЕНЕСЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ВОЙСКОВЫХ МУЗЕЕВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ХРАНИЛИЩА

(январь — май 1918 г.)

Любитель отечественной военной старины, переступивший порог Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи с намерением получить представление о частях, составлявших русскую армию, сумеет, будем надеяться, обнаружить здесь для себя немало интересного. В нынешнем собрании музея действительно много реликвий, напоминающих о боевом прошлом славных русских полков, батальонов и батарей. Есть среди них и такие, чья история в качестве музейного экспоната началась около века назад в коллекциях так называемых войсковых музеев. Теперь, за исключением, пожалуй, музейных работников, никто не вспоминает об этих небольших, но своеобразных музеях. Само название их, применительно к русской армии, забылось. А между тем для наших предков появление этих музеев было важным явлением в жизни армии, отражением растущего интереса к истории своих частей, выражением законной гордости за ратную славу Отечества.

«Музей,— говорится в Положении об Историческом музее л.-гв. 1-й Артиллерийской бригады,— должен давать наглядную и величественную картину славного прошлого бригады и отражать, как в зеркале, всю двухвековую жизнь бригады — боевую и мирную, ее важные моменты и обыкновенную будничную работу»¹.

Процесс создания музеев в полках и других частях, начавшись в конце XIX в., приобрел особый размах в начале нынешнего столетия. Вслед за основанным в 1891 г., по предложению поручика

П. П. Потоцкого, Музеем гвардейской артиллерии², в самое короткое время появилось еще более 300 различных войсковых музеев. В своей совокупности они заняли заметное место в общей системе военных музеев России³.

Окруженные заботливым вниманием и попечением со стороны всех, кому довелось служить в той или иной части, «полковые музеи», как их часто называют, быстро превратились в подлинные сокровищницы, в которых сохранилось немало вещей, имевших большое историческое и художественное значение. Поэтому, когда в бурную революционную эпоху над этими ценностями нависла серьезная опасность, со всей остротой встал вопрос об их защите и спасении. Угроза расхищения или даже уничтожения была в то время вполне реальной. Разложение армии привело не только к стихийному дезертирству, но и к грабежу казенного имущества. Доктор Эскадры воздушных кораблей К. Н. Фивне, бывший в начале 1918 г. на Западном фронте, вспоминал: «В то время пулемет можно было купить за 25 рублей, а батарею с орудиями, зарядными ящиками, лошадыми рублей за 800, не проданное имущество бросалось, и не только немцы, но и поляки и румыны сделали на этом казенном русском имуществе хорошие дела»⁴.

Сложившаяся в стране обстановка настоятельно требовала принятия неотложных охранительных мер. Несомненно важным мероприятием в этой области явилось создание специальной Организации охраны и перенесения полковых музеев в Государственные хранилища, которая функционировала в 1918—1919 гг. Ныне можно с уверенностью сказать, что благодаря работе, проделанной этой Организацией, удалось сберечь значительную часть музейных ценностей частей и учреждений, находившихся в Петрограде и его ближайших окрестностях, а в ряде случаев и в более отдаленных местах.

К сожалению, эта обширная и плодотворная деятельность не привлекла пока к себе должного внимания исследователей. Все, что было опубликовано об Организации, исчисляется несколькими строками в работах, посвященных военным музеям России или же началу советского музейного строительства⁵. Объяснение этому факту следует, очевидно, искать в «пограничном» положении данного вопроса, существующего, так сказать, на грани двух эпох. Одновременно могло сказаться и отсутствие необходимого знакомства с материалами, позволяющими подробно обрисовать условия существования организации, ее состав и задачи.

Как бы то ни было, но ход времени неизменен, и дымка истории постепенно скрывает от нас облик прежде живших людей и черты волновавших их событий. Печальная неумолимость эта грозит ныне, по прошествии семидесяти лет, обречь на забвение многое из того, что должно оставаться в памяти соотечественников. Попытаемся поэтому на основе архивных источников восстановить картину деятельности Организации в начальный период ее су-

ществования, ознаменовавшийся наиболее активной работой по выявлению, учету и переносу войсковых музеев в государственные хранилища⁶. Таким «хранилищем» тогда стал опустевший после эвакуации Артиллерийский исторический музей, в собрание которого впоследствии и влилось большинство полковых коллекций. Поэтому процесс «собираания» войсковых музеев, кроме самостоятельного интереса, представляет собой одну из примечательных страниц советского периода истории ВИМАИВ и ВС⁷.

Перенесемся мысленно в революционный Петроград начала 1918 г. Традиционно являясь одним из крупных военных центров страны, он за годы войны еще более упрочил это свое положение⁸. Неудивительно поэтому, что и значительное количество войсковых музеев было сконцентрировано здесь же. Кроме музейного имущества различных частей, занесенных в Петроград волею военных обстоятельств, в городе и его окрестностях размещались старейшие и богатейшие музеи войск Гвардии, военно-учебных заведений, частей и учреждений Петроградского военного округа.

Огромные музейные богатства порождали и крупные проблемы, ибо «подстрекательством злонамеренных лиц отдельные банды солдат предались грабежу полковых имуществ и в своем неудержимом хаотическом порыве частью уничтожали, частью делили его, не останавливаясь и перед историческими реликвиями полков»⁹. Ситуация вокруг войсковых музеев, как видим, была в то время весьма острой. Всякое промедление угрожало необратимыми последствиями. Необходимо было безотлагательное решение, и оно тогда было принято на правительственном уровне, в Совете Народных Комиссаров, что уже само по себе говорит о признании его важности¹⁰. Вопрос о создании специальной организации, которая бы взяла на себя труд учета и сохранения богатств войсковых музеев, был поднят Наркомом по военным делам Н. И. Подвойским. «Считая компетенцию в данном случае Народного Комиссариата по делам просвещения безусловной, Народными Комиссарами было признано поручить эти работы под непосредственным наблюдением Нар. Ком. Луначарского, пользуясь вместе с тем и авторитетными указаниями художественно-исторической комиссии Зимнего Дворца»¹¹.

Перед Наркомом просвещения А. В. Луначарским встала необходимость, по словам будущего комиссара этой организации, «подыскания такого лица, которое бы, не останавливаясь перед всеми неблагоприятными возможностями со стороны пьяных и озверевших в своем грабеже солдат, взяло бы на себя задачу спасения этих музеев»¹². Таким лицом оказался «художник» из Гатчины, «вовсе уволенный» с военной службы «по болезни» Владимир Ефимович Гушик, аттестовавший себя «как лицо, сведущее в области... музеев и достаточно хорошо понимающее психологию солдат старой армии». После того как подходящий человек по рекомендации Луначарского был найден, приказом Народного ко-

миссара по военным и морским делам за № 103 от 27 января 1918 г. в Петрограде была создана Организация охраны и перенесения полковых музеев в Государственные хранилища с комиссаром Гушиком во главе¹³. Первоначально в состав Организации входили 8 человек, включая сюда комиссара, секретаря, пятерых сотрудников и машинистку. В марте, «когда Художественно-исторической комиссией Зимнего Дворца было сделано сношение с Народным Комиссариатом по Военным делам о перебрасывании... работ из воинские части... расположенные вне черты Петрограда», Организация была увеличена еще на 5 новых должностей сотрудников¹⁴. Этот ее штат получил окончательное утверждение приказом Петроградского окружного военного комиссариата от 15 октября 1918 г. № 496¹⁵.

В те же дни конца января 1918 г., когда была создана новая организация, был решен вопрос и о ее размещении. 30 января «Народный Комиссар по просвещению и ведомству дворцов и музеев Республики» А. В. Луначарский предписал «комиссару по организации перенесения и охраны полковых музеев в Государственные хранилища т. В. Е. Гушику» занять здание «Военно-Исторического Музея в целях использования помещения для размещения имущества полковых музеев и работы по организации перенесения и охраны таковых»¹⁶. Здание было немедленно занято и поэтому этот предпоследний январский день можно считать первым днем работы Организации в Артиллерийском историческом музее. Думается, что стремление воспользоваться именно помещением АИМа объясняется, возможно, идеей создания в конечном счете «Военно-исторического музея за счет всех имеющихся в округе военных музеев»¹⁷. В Кронверке С.-Петербургской крепости для канцелярии Организации была отведена одна комната, залы же музея использовались для размещения «музейного имущества»¹⁸.

Помещение это, однако, не вполне отвечало нуждам Организации, умножая и без того немалые трудности, с которыми столкнулись ее сотрудники. Комиссар Гушик докладывал впоследствии Наркому Л. Д. Троцкому, что «в помещении, отведенном для канцелярии Организации с паровым отоплением, оказались испорченными трубы, и помещение не отаплилось. Служащие канцелярии, занимавшиеся там с 10 ч. до 4 ч., вынуждены были работать в пальто, калошах и шапках и уже к концу первого месяца оказались все простуженными»¹⁹. Нетерпимость подобного положения поставила, разумеется, на повестку дня вопрос о немедленном исправлении «теплопровода музея». Но увы, соответствующая просьба Гушика, направленная в Крепостное инженерное управление, только положила начало бесплодным ожиданиям, прекратившимся лишь с лучами весеннего солнца, естественным образом разрешившего проблему²⁰. Отсутствие ремонта, непригодность помещения способствовали появлению планов переселения. Они были тем более привлекательны, что в случае удачи могли поднять престиж и значение новой организации. В феврале 1918 г. комис-

сар Организации обратился к Наркому по военным делам за содействием в передаче дворца великого князя Михаила Александровича²¹, занимаемого некоей Организацией для нужд Народного Хозяйства Северного Района, в пользование не менее как «Комиссариату полковых музеев». Эта просьба обосновывалась в следующих выражениях: «Лучшего помещения в смысле устройства в нем военно-исторического музея требовать невозможно. Во-первых, просторность помещений его, в высшей степени художественная отделка их, изобилие света в залах и ряд галерей, могущих быть использованными, как картинные галереи, ставят меня в прямую обязанность просить Вас приложить все усилия для того, чтобы это помещение было предоставлено для нужд сконцентрирования и развертывания полковых музеев.

Смею заметить, что предоставление такого богатого в смысле художественной отделки помещения Организации, ничего общего с искусством не имеющей, в то время, когда вопрос о создании нового, колоссального по своему богатству, музея требует исключительных условий света, удобства и художественности помещений, являлось бы явной несправедливостью...»²² Подвойский был согласен, о просьбе Гушика был поставлен в известность Луначарский... но Организация, так и не превратившись в Комиссариат, по-прежнему продолжила свою деятельность в здании кронверка.

Начала же там свою работу Организация весьма энергично и немедленно после вселения. При этом неожиданное обилие рождавшихся бумаг несомненно выдавало в комиссаре высокое представление о своей миссии и особый вкус к канцелярскому делу, знание которого странным образом уживалось в нем с полуграмотностью. Уже 31 января 1918 г. в «магазине штампов Новичко» были заказаны штампы и круглая печать, а начальнику окружного артиллерийского склада новым комиссаром предъявлено требование: «Благоволите распорядиться о присылке легкового автомобиля к зданию Артиллерийского музея для моего следования к Народному Комиссару Луначарскому и объезда некоторых частей войск гарнизона»²³. Одновременно сотруднику Организации П. М. Федорову было предложено получить из штаба Петроградского округа «дислокацию» войск Петроградского гарнизона²⁴.

Не была оставлена без внимания и финансовая сторона дела. Предусмотрительный Гушик позаботился представить «Комиссару по делам Народного просвещения» и «Комиссару по Военным Дела» полугодовую смету «необходимых расходов на содержание личного состава и делопроизводство порученной мне организации», каковая и вошла в силу с января 1918 г.²⁵

Первейшей задачей Организации было наладить связь с частями войск гарнизона. Для этого Гушик 31 января обратился к комиссару по военным делам с просьбой: «В целях наиболее скорейшего начатия работ по перенесению полковых музеев в здание военно-исторического музея (Кронверк)» распорядиться отдать приказ по Петроградскому гарнизону «о выделении полковыми

комитетами полков, имеющих у себя войсковые музеи, по одному представителю в Комиссариат по организации перенесения и охраны полковых музеев в Государственные Хранилища». «Эти представители частей войск,—пояснял Гушик,—могли бы быть использованы как посредники между своими товарищами и Комиссаром по охране полковых музеев»²⁶.

Неизвестно, явились ли эти представители и как удалось установить контакт с частями, но 20/7 февраля комиссар Организации отдает распоряжение сотруднику П. И. Розанову «прибыть завтра 21/8 февраля к 9 ч. утра в Гв. Литовский полк (Б. Вульфова ул. № 22) для осмотра полкового музея и встречи члена Художественной Комиссии на предмет совместной работы по упаковке имущества музея». Аналогичное предписание получил Ф. В. Грошиков, отправленный в казармы гв. Финляндского полка²⁷.

Забота о срочной упаковке музейного имущества была вызвана переменной обстановкой. Явилась мысль придать делу больше пышности, и «Народные Комиссары» сделали распоряжение «о сдаче церемониальным порядком Гвардейскими полками Революционного гарнизона своих полковых музеев — народу в Хранилища Зимнего Дворца в воскресенье 24/11 февраля...»²⁸. Однако уже 21 февраля Гушик был вынужден телефонировать комиссару по военным делам: «В тринадцати пехотных Гвардейских полках приступлено к упаковке полковых музеев. Некоторые части в виду большого количества имущества своих музеев могут не успеть закончить эти работы, несмотря на широкую помощь в этом деле со стороны Художественной Комиссии Зимнего Дворца. Автомобильный отдел Смольного не имеет достаточного количества бензина на предмет снабжения всех Гвардейских частей для перевозки имущества полковых музеев на грузовиках церемониальным порядком»²⁹.

Ситуация вокруг войсковых музеев вновь изменилась. Было решено вернуться к первоначальному плану действий. «Ввиду изменившихся положений по вопросу о перенесении полковых музеев в Государственные хранилища» в пятницу 22 февраля в 2 часа дня в помещении Артиллерийского Музея состоялось «совещание председателей полковых комитетов всех п. (пехотных — С. Б.) Гвардейских полков»³⁰. На нем перед представителями Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Московского, Финляндского, 3-го стрелкового полков выступил комиссар Гушик. Собравшиеся постановили: «Единоголосно принять постановление Народного Комиссара по Военным Дела о перенесении полковых музеев в помещение Исторического Артиллерийского Музея... Представить права присутствовавшим на этом заседании представителям полковых Комитетов и их заместителям в любой день от 11 до 4 час. дня, в присутствии Комиссара, производить проверку количества ящиков и сохранности печатей»³¹.

Благодаря совещанию удалось наладить связь со значительным числом пехотных гвардейских полков Петрограда. С их предста-

вителями было достигнуто полное единодушие в вопросе перенесения собраний своих полковых музеев. Со своей стороны они обещали, не откладывая, приступить к упаковке музейного имущества.

«И с этого момента,— по словам Гушика,— настала тяжелая, а иногда и просто кошмарная работа. С одной стороны Советская власть не располагала достаточным количеством работников и специалистов в области военных музеев, которые бы решились первыми прийти на помощь в завершении поставленной мне задачи.

Оппозиция еще была сильна и результат расправы за помощь Советской России пугал специальных работников.

И если мы переселимся в ту пору, когда на улицах Петрограда с наступлением сумерек начиналась пальба, грабежи, разгром погребов, схватка пьяных солдат с отрядами красной гвардии и сознательными группами моряков, то весь груз кошмарной работы в полках будет детально ясен и реален»³².

Несмотря на описанные комиссаром непростые условия деятельности, Организация старалась не терять контроля за подготовкой перевозки музейного имущества и со своей стороны оказывать содействие в этом частям войск. Так, 28 февраля ее комиссар обратился к председателю полкового комитета гв. Павловского полка: «Перевозка полкового музея в здание Кронверка в Артиллерийский Исторический Музей должна быть совершена в непродолжительное время. Если в Вашем распоряжении не имеется грузовиков, благоволиите нанять подводы конной тяги, расходы за доставку будут уплачены мною»³³.

Энергия и настойчивость уже в конце февраля позволили добиться первого успеха. Гушик телефонограммой отпартовал Народному комиссару по военным делам: «Доношу, что сегодня 26/13 февраля мною было принято на хранение имущество полкового музея Гв. Кексгольмского полка, упакованное в тридцати двух ящиках с наложенными на них печатями»³⁴. Разумеется, перемещение такого обширного и богатого собрания, как полковой музей Кексгольмского полка было делом чрезвычайно трудоемким, которое не могло быть решено единичным актом. Перевозка оставшихся предметов потребовала еще дополнительного времени и сил. Только 22 апреля вторая партия из пятнадцати ящиков разместилась в помещении Кронверка³⁵.

Передача этого первого музея, как впрочем и других, показала, что для выполнения задачи сохранения музейных реликвий потребуются не только громадные усилия, но и большое мужество, готовность идти на риск. «Неоднократно имели место случаи,— докладывал Гушик в августе 1918 г. военному комиссару Петроградской трудовой коммуны Б. П. Позерну,— когда подстрекаемые контрреволюционными элементами отдельные группы солдат пытались захватить в свои руки музейные ценности с целью дележа и продажи его. В таких случаях, требующих немедленного прояв-

ления экстренной самостоятельности за невозможностью расчета на поддержку вооруженной силы, на долю сотрудников и комиссара музеев выпадала тяжелая задача путем убеждений в несообразности предпринятых решений зачинщиками останавливать от грабежа солдатские массы. Необходимо остановиться на том обстоятельстве, что время, к которому относятся подобные положения, было временем полной разнузданности отдельных солдатских групп, когда пьяные после разгрома погребов несознательные элементы угрожали насилием комиссару и его сотрудникам»³⁶. Тот же комиссар Гушик вспоминал об этом: «Случаи в Измайловском и Кексгольмском полках, когда группы пьяных и озверелых солдат, не желая оставить музейные ценности полков (кстати, очень обширные), угрожали самосудом, расправой, характерно рисуют всю тяжесть этой работы»³⁷.

Постепенно, вслед за музеем Кексгольмского полка, в помещение Артиллерийского музея были перевезены музеи Егерского, Московского, Павловского, Семеновского и других гвардейских полков³⁸. С течением времени Организация, все более набирая силу, расширяла масштабы своей деятельности. «С шестью верными и преданными мне товарищами (в большинстве своем бывшими хранителями полковых музеев, а следовательно и офицерами),— писал Гушик,— приходилось объезжать воинские части, когда уговаривая и усовещивая отдельных подстрекателей, когда с револьверами в руках требуя подчинения распоряжению Народных комиссаров»³⁹.

Первоначально Организация занималась перенесением в Государственное хранилище, каковым являлся Артиллерийский исторический музей, только музеев полков гвардейской пехоты, расположенных в Петрограде. В марте, как уже было сказано, художественно-исторической комиссией Зимнего дворца было «сделано сношение» с Народным комиссариатом по военным делам о включении в сферу деятельности Организации остальных воинских частей, в том числе и расположенных вне черты города. В соответствии с этим решением работы по собиранию и перемещению полковых музейных собраний велись в апреле — мае, кроме Петрограда, в Царском Селе, Петергофе, Ораниенбауме. Каждый из сотрудников Организации, в зависимости от общего плана, имел свое определенное задание. В начале апреля 1918 г. Ф. В. Грошиков, например, занимался музеями гв. Гренадерского и гв. Уланского полков; П. И. Розанов — остатками эвакуированного ранее музея гв. Кирасирского полка; П. М. Федоров — музеями гв. Егерского и гв. 3-го стрелкового полков; М. А. Архипов — музеями гв. Кавалергардского полка, Офицерской кавалерийской школы, гв. Казачьего, Атаманского полков и гв. Экипажа; П. Ф. Ушаков — музеями гв. Измайловского полка, артиллерийских училищ и гв. Саперного батальона; С. Б. Борисов — музеями 1-й и 2-й гв. артиллерийских бригад, пехотных военных училищ и роты дворцовых

гренадер; Л. С. Тачалов — музеем 145-го пехотного Новочеркасского полка; А. А. Яковлев — музеями Конно-Гренадерского, гв. Драгунского, гв. Уланского и 148-го пехотного Каспийского полков; Г. К. Гавронский — музеями Инженерного училища, Николаевского кавалерийского и Топографического училищ. Кроме того, М. А. Климович был командирован в «Череповцы Новгородской губернии по вопросу охраны полкового музея гв. Литовского полка, так как тамошний Совдеп задумал перелить все музейные предметы из драгоценных металлов в слитки»⁴⁰.

В ходе этой работы сотрудников Организации подстерегали немалые сложности, в большинстве рожденные своеобразием тогдашней обстановки. «В связи с уходом из полков большинства солдат и объявленной ликвидацией воинских частей» им нередко приходилось находить казармы почти пустыми, отсутствовали также командный состав и полковые комитеты. Однако даже тогда, когда и обнаруживались «десятки оставшихся, они оказывались в полном неведении о местонахождении своих музеев», так что выяснение вопроса о том, в чем ведении находится музей, да и попадание в сами музеи становилось трудно разрешимой задачей. Например, в гв. Конно-Гренадерском и 145-м пехотном Новочеркасском полках ключи от музейных помещений оказались утраченными, а вход в музей гв. 1-й Артиллерийской бригады был столь искусно замаскирован, что «местные команды не знали о его местонахождении». Одновременно существовало затруднение противоположного характера. Нередко в полках имелось слишком много распорядителей: полковые комитеты, ликвидационные комиссии, правительственные комиссары по ликвидации полков, штабы, формирующие части Красной Армии, Окружная ликвидационная комиссия и районные Советы. «Каждое из этих учреждений, не беря на себя самостоятельного разрешения по существу возникающих вопросов, отсылало сотрудников Организации от одного к другому, что вызывало громадную непроизводительную трату времени и ни на шаг не подвигало дело». Собрать же, как это было в гв. Егерском, Конно-Гренадерском, Измайловском и др. полках, одновременно вместе представителей всех этих многочисленных инстанций, разумеется, не представлялось возможным.

Были и случаи прямого отказа от передачи имущества полковых музеев. Так, в Николаевском кавалерийском училище «заведывающий, комиссар здания и начальник кавалерийских курсов» отказались передать музей без непосредственного предписания от «главного комиссара военно-учебных заведений», а когда таковое явилось, то потребовали новое предписание «от имени всей Коллегии Управления Военно-учебных заведений». Рота дворцовых гренадер также отказалась выдать музей без специального разрешения Комиссариата имущества Республики. В Офицерской кавалерийской школе все работы по упаковке музея были приостановлены, а на помещение наложены печати, по распоряжению штаба Красной Армии. «Во всех этих случаях, — докладывал Гущик Нар-

кому Троцкому, — лишь путем длительных переговоров и убеждений удалось довести дело до благоприятного разрешения»⁴¹.

Однако всем этим трудности в работе Организации отнюдь не ограничивались. «Особенным затруднением, — как можно увидеть в упомянутом уже докладе, — являлся недостаток в упаковочных и транспортных средствах, сотрудникам организации, напр. в Егерском и Конно-Гренад. полках, приходилось прискидывать доски для ящиков, рогожи, веревки и самим заколачивать ящики. Музейные имущества перевозились не только на подводах, грузовиках и трамвайных платформах, за невозможным состоянием петроградских улиц, покрытых глыбами снега и льда, в некоторых случаях хрупкие предметы (хрусталь, вазы) приходилось переносить на руках. Крупным затруднением являлись также стоявшие в то время сильные морозы и ветры...»⁴².

К числу проблем Организации следует отнести охрану собранного в кронверке имущества войсковых музеев. Так, уже 5 марта 1918 г. Гущик обратился к комиссару Петропавловской крепости: «В виду того, что имущество полковых музеев в большинстве своем представляет государственную ценность, как-то: золото и серебро, — прошу распоряжения Вашего о назначении постоянного наружного караула у входа в помещение Артиллерийского Исторического Музея в самом непродолжительном времени»⁴³. Через три дня тон Гущика делается более требовательным: «Благоволите назначить наружный караул у дверей Артиллерийского Исторического Музея в виду большого количества государственных ценностей...»⁴⁴.

Однако все это были напрасные усилия, и дело не сдвинулось с места. Тогда вопрос о назначении «постоянного наружного караула у входа Артиллерийского Исторического Музея» возбуждается комиссаром Организации 11 марта перед начальником Петроградского артиллерийского склада. Последний только 18 марта адресовался к начальнику АИМа, представляя ему просьбу Гущика как неисполнимую для себя «ввиду эвакуации склада» и спрашивая, не найдет ли начальник музея возможным «нанять караул от себя и держать его в своих помещениях, так как в складе состоит караул из вольнонаемных...».

Через два дня полковник Н. М. Печенкин препроводил бумагу Гущику, снабдив ее довольно сдержанным советом: если вдруг появится возможность и удастся нанять охрану, сделать это самому, ибо в его музее отсутствует для этого «специальный кредит»⁴⁵. Чувствуя, очевидно, что готова повториться история с пресловутым «теплопроводом», Гущик на сей раз предпочел обратиться в отдел нарядов штаба Петроградского военного округа, который 22 марта «весьма спешно» просил распорядиться «о немедленном назначении постоянного наружного караула у входа Артиллерийского Исторического Музея». Однако, помня печальный опыт предыдущих бумаг, практичный Гущик для весомости здесь приписал «во исполнение решения Народных Комиссаров»⁴⁶.

Впрочем отсутствие «кредита» в случае с наймом охраны отнюдь не означает изолированности Артиллерийского исторического музея от нужд и жизни неожиданно-негаданно вселившейся в него Организации. Напротив, следует думать, что бурная деятельность по перевозке войсковых музеев подчинила в тот момент своим интересам существование АИМа. «В настоящее время,— писал Гушик 19 апреля 1918 г., предупреждая артиллерийский склад о недопустимости помещения какого-либо имущества вдоль внутреннего фасада здания музея,— работы по перенесению полковых музеев приняли особое напряжение. Ежедневно доставляются грузы с имуществом полкового музея, каковые с подвод и грузовиков складываются у главного подъезда здания Артиллерийского Исторического Музея для сортирования их и правильного распределения в помещении музея»⁴⁷.

Именно в это горячее для Организации время мы можем отметить фактическое слияние с ней скромного штата работников АИМа, поскольку его служащие были привлечены к осуществляемым Гушиком работам⁴⁸. Совместная деятельность умножала усилия и тем вернее вела к успеху.

В весенние месяцы 1918 г. среди стремительного круговорота революционных событий оказались сохраненными многие музейные предметы, чья художественная, историческая, наконец, материальная ценность поистине уникальна. Среди них коллекция картин и рисунков знаменитого живописца П. А. Федотова из музея гв. Финляндского полка⁴⁹, золотая массивная колона с усыпанным бриллиантами портретом императора Николая II, пожалованная известному военному деятелю генерал-фельдмаршалу графу Д. А. Милютину⁵⁰ из музея 1-й артиллерийской бригады, серебряный памятник из музея кексгольмцев, украшенный надписью: «В 200-летний юбилей доблестной службы Лейб-Гвардии Кексгольмского полка Императору и Родине — Азовцы» и изображением славного подвига унтер-офицера С. А. Старичкова, спасшего под Аустерлицем знамя Азовского полка⁵¹. Некоторые из этих уникальных реликвий ныне можно увидеть в экспозиции ВИМАИВ и ВС. В их числе, например, уже упомянутый памятник, серебряные трубы л.-гв. Семеновского полка⁵², серебряная братина с козшем из собрания л.-гв. Павловского полка⁵³.

Однако не только эти прекрасные ювелирные изделия украшают сегодня залы музея. В экспозиции можно встретить немало и других предметов из полковых собраний. О победах в Северной войне молодой петровской армии рассказывают солдатский кафтан и медаль в память 200-летия Полтавского сражения из собрания л.-гв. Семеновского полка. Литография «Нарва 19 ноября 1700 г.» из музея Гвардейской Артиллерии напоминает о подвиге, совершенном в тот день русской Гвардией, в рядах которой героически сражалась со шведами знаменитая Бомбардирская рота. В разделе, повествующем о Суворовских походах, можно увидеть единого из собрания л.-гв. Преображенского полка, старинные знамена

семеновцев и измайловцев. Опаленные огнем великой битвы старые штывы из музея л.-гв. Егерского полка перенесут нас на поле Бородинского сражения. Рассказ о героическом времени Отечественной войны продолжат офицерский пехотный мундир из коллекции 148-го пехотного Каспийского полка и рисунок «Лейб-драгуны атакуют французскую батарею 5 ноября 1812 г.» из собрания л.-гв. Конно-гренадерского полка. Символом победы русского оружия и избавления Европы от наполеоновской тирании предстанут медали за взятие Парижа 19 марта 1814 г. из музея Конной Гвардии. И так от раздела к разделу, из зала в зал старые экспонаты войсковых музеев будут напоминать нам об отваге и доблести своих частей, о негаснущей славе победоносной русской армии.

Сохранение для будущего всего того, что теперь является гордостью музейной экспозиции, несомненно должно быть поставлено в заслугу Организации охраны и перенесения полковых музеев в государственные хранилища. Однако важно не просто сберечь вещь, как таковую, в неменьшей степени необходимо сохранить все то, что наделяет ее в глазах людей особой ценностью и индивидуальным своеобразием. Поэтому наиболее положительная сторона деятельности сотрудников Организации в тот момент заключалась, на наш взгляд, в сбережении полностью целых музеев с их неповторимым духом исторически сложившихся коллекций.

Всего Организация за время своего существования собрала музейное имущество, относящееся к более чем 40 собраниям различных войсковых частей и учреждений⁵⁴. Из этого числа к середине мая, когда комиссар Гушик выехал в Москву «по экстренной надобности к Народному Комиссару т. Троцкому», было перенесено в помещение Артиллерийского исторического музея 29 войсковых музеев, в том числе наиболее крупные и богатые ценными экспонатами⁵⁵. Допустимо поэтому предположить, что «экстренная надобность» Гушика заключалась в настойчивом желании лично перед высоким начальством сделать свой отчет о результатах первого этапа работы вверенной ему организации. Характер последующих событий дает основание думать, что упоминавшийся уже нами отчетный доклад был благосклонно встречен в столице. Деятельность комиссара и его организации заслужила положительную оценку, и Гушик окончательно утвердился в роли распорядителя имущества «переносимых» в кронверк войсковых музеев. Организация продолжила свою собирательскую работу, о результатах которой впоследствии с нескрываемой гордостью вспоминал комиссар Гушик: «...С нечеловеческими усилиями работа была завершена блестяще и к созданию новой молодой армии свыше сорока военных музеев оказались спасенными и перевезенными в Хранилища Кронверкского Арсенала»⁵⁶.

Примечания

¹ Положение об Историческом музее л.-гв. 1-й Артиллерийской бригады. СПб., 1912, с. 3. В проекте Положения о войсковых музеях говорилось: «Музей каждой войсковой части есть собрание и хранилище вещественных, письменных

и графических (художественных) памятников, свидетельствующих о былой службе, доблести, верности и боевых подвигах части, а также о наградах и милостях Державных Вождей Российской Армии, пожалованных и оказанных данной части» — Журнал ОРВИО, 1914, № 4—5, с. 298.

² П. Потоцкий. Исторический музей Гвардейской артиллерии. — Русская старина, 1892, т. XXIII, февраль, с. 516; А. М. Разгон. Очерк истории военных музеев в России (1861—1917). — Труды НИИ музееведения, вып. VII, М., 1962, с. 189—190.

³ А. М. Разгон, указ. соч., с. 188—189.

⁴ К. Н. Филин. Русские воздушные богатыри И. И. Сикорского. Белград, 1929, с. 133.

⁵ А. М. Разгон («Очерк истории военных музеев в России») в своей обширной статье вообще не называет Организацию, а Е. И. Востоков («Из истории советских музеев») именует ее «Комиссией по охране и учету имущества бывших военно-исторических музеев». — Труды НИИ музееведения, вып. VII, М., 1962, с. 202, 208. Единственный очерк деятельности Организации дан Т. И. Воробьевым в его «Истории Артиллерийского Исторического Музея». Однако эта чрезвычайно интересная работа, завершенная еще в начале 50-х гг., к сожалению, до сего дня не опубликована.

⁶ В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВ и ВС) хранятся материалы, относящиеся к деятельности Организации охраны и перенесения полковых музеев в Государственные хранилища. Имеющаяся среди них деловая переписка, учетная документация, наконец, красочные отчеты комиссара Организации, изобилующие картинками царившего тогда хаоса, и послужили основными источниками при написании данного краткого очерка.

⁷ И. П. Ермошин. Артиллерийский исторический музей к 40-й годовщине Вооруженных Сил Советского Союза (исторический очерк). — Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея, вып. II, Л., 1958, с. 215.

⁸ Отдел учета военной комиссии временного комитета Государственной Думы к середине марта 1917 г. зарегистрировал в Петрограде и его окрестностях 380 различных воинских частей, учреждений, управлений и военно-учебных заведений, в том числе 68 пехотных частей, 36 артиллерийских, 34 инженерных, 27 кавалерийских, 10 авиационных, 83 военно-административных управления, 58 сапирных учреждений, 40 военно-учебных заведений. Гарнизон Петрограда и его пригородов насчитывал более 300 тыс. солдат. — Г. Л. Соболев. Деятельность Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б) в частях Петроградского гарнизона в 1917 г. — Военные организации партии большевиков в 1917 году. — М., 1986, с. 44.

⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

¹⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 146.

¹¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 106.

¹² АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

¹³ АВИМАИВ и ВС, ф. 3Р, оп. 2, д. 360, л. 5.

Из сношения Управления делами Совета Народных Комиссаров от 7 мая 1918 г. № 1182 можно заключить, что новая организация подчинялась Петроградскому окружному комиссариату по военным делам, «от которого должны исходить все распоряжения о полковых музеях», и Комиссариату по военным делам Петрограда и Петроградской губернии, где она была зарегистрирована в отделе снабжения. — АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 19.

¹⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 200, 106-об.

¹⁵ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 5, л. 164.

¹⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 5.

Речь идет о помещении АИМа, часть фондов которого к этому времени была эвакуирована в Ярославль. Об этих пустующих помещениях А. В. Луначарский мог помнить после своего обращения к начальнику музея полковнику Н. М. Печенкину 27 ноября 1917 г. Приведем здесь этот любопытный документ полностью:

Гражданину начальнику
Артиллерийского Исторического Музея

До моего сведения дошло, что команды Артиллерийского склада предлагают занять часть помещения Артиллерийского Музея под залу собрания и столовую. Вполне считаясь с потребностью указанных частей и признавая необходимым приискать для них подходящее помещение, — я полагаю, однако, что использование в этих целях помещения Музея совершенно недопустимо, так как могло бы принести непоправимый вред весьма ценному народному имуществу.

Я прошу Вас, гражданин начальник Музея, разъяснить это обстоятельство просителям.

Народный комиссар А. В. Луначарский
Секретарь Дм. Лещенко

АВИМАИВ и ВС, ф. 22, оп. 92, л. 115, л. 380.

¹⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 106.

¹⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 2, л. 200. Телефон Организации в кривверке был 119-25.

¹⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 200-об.

²⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 8.

²¹ Имеется в виду Аничков дворец.

²² АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 27.

²³ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 11.

²⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 10.

²⁵ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 6.

Первоначально оклад «рядовых работников» и машинистки был 300 рублей, у «комиссара музеев» 500 рублей в месяц. Выделялось по смете «на канцелярские и хозяйственные нужды 350 рублей, разъезды по частям войск 500 рублей в месяц». Кроме того, выдавались «необходимые авансы» для перенесения музейного имущества «в связи с расходами по оплате труда рабочих (столяров, слесарей и т. д.), и на приобретение лесного материала и пр.». В начале апреля «в виду крайнего вздорожания продуктов первой необходимости и принимая тяжелые условия пропитания людей, находящихся в непрерывных разъездах» комиссар счел долгом ходатайствовать «об увеличении... содержания до 350 рублей машинистки и 400 рублей остальным членам организации». В октябре 1918 г. оклад комиссара Гушика исчислялся в 800 рублей в месяц, секретаря Организации — в 650, «агентов» — в 600 и машинистки — в 500 рублей.

АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 106-об.; ф. 52, оп. 110/2, д. 36, л. 50, 53-об.

Часть продуктов сотрудники Организации получали через Петроградскую районную продовольственную управу. Так, например, 11 марта комиссар Организации обратился туда со следующим заявлением: «Прошу Петроградскую районную управу выдать надлежащий ордер на получение ежедневно 7 фунт. хлеба и одновременно 10 фунт. сахару для служащих в вверенной мне организации».

АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 47.

²⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 12.

²⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 18, 20.

Слово «лейб» было исключено из наименования гвардейских частей еще при Временном правительстве.

²⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 10, л. 1.

²⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 19.

³⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 8, л. 1.

Телефонограммы с предложением прибыть на совещание были переданы в полковые комитеты Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Московского, Финляндского, 3-го Стрелкового и Кексгольмского гвардейских полков.

АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 61, л. 1-об.

³¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 2—3.

Представителем от Семеновского полка был Кириенков, от Измайловского — Сдобников, от Егерского — Симонов, от Гренадерского — Купцов, от Мос-

ковского — Остроумов, от Финляндского — Ушаков, от 3-го стрелкового — Скопин. Кроме того, «на заседании не присутствовал», но с «общим постановлением» согласился представитель Кексгольмского полка, подпись которого, к сожалению, оказалась неразборчива.

³² АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

³³ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 8, л. 2.

1 марта 1918 г. телефонограммы с требованием ускорить перевозку музеев и обещанием оплатить расходы по перевозке были переданы Организацией в Семеновский, Измайловский, Егерский, Гренадерский, Павловский, Московский, Финляндский и 3-й стрелковый гвардейские полки.

³⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 61, л. 2.

³⁵ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 24; ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 1.

Следует отметить особенность, которую подчеркнул Гущик в своем докладе Троцкому в мае 1918 г.: «Вследствие крайней спешности, с которой производилась перевозка музеев, доставка музейного имущества производилась в запечатанных полковыми печатями ящиках...» — ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 201.

Ящики предписывалось «зашивать» гвоздями, перевязывать веревкой и затем накладывать полковую печать. Предметы из золота и серебра полагалось упаковывать отдельно от прочего имущества и ящики с ними следовало отмечать красными ярлыками с литерами «ц. м.» — ф. 52, оп. 110/2, д. 8, л. 3; д. 30, л. 3.

³⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 26.

Полковой музей л.-гв. Кексгольмского полка был одним из богатейших музеев в русской Гвардии. Создан в 1899 г. поручиком Б. В. Адамовичем. Насчитывал свыше 2000 экспонатов. В 1914 г. был эвакуирован из Варшавы в Петроград.

АВИМАИВ и ВС, ф. 3Р, оп. 2, д. 360, л. 21; Б. Адамович. Опись музея л.-гв. Кексгольмского полка. Варшава, 1907, с. 1; А. М. Разгон. Очерк истории военных музеев в России (1861—1917). — Труды НИИ музееведения, вып. VII, М., 1962, с. 190.

³⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 237.

³⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 21.

³⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 2, 13; ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 3, 10; ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 6, 8, 14; ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 7.

⁴⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

Упоминание о револьверах, видимо, не было единственно следствием желания Гущика обрисовать в выгодном свете свою деятельность перед начальником Управления военно-хозяйственного надзора «тов. Алексеевым». Во всяком случае Гущик еще в начале марта 1918 г. официально обратился в Гатчинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой о выдаче ему «для нужд самообороны одного револьвера с подобающим количеством к нему патронов. Имели оружие и другие сотрудники Организации» — ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 41.

⁴¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 91—91-об.

⁴² АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 200—200-об.

⁴³ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 200-об.

Показательным здесь является рапорт «члена-сотрудника» П. Ф. Ушакова от 5 апреля 1918 г.: «Сего числа был в Михайловском Артиллерийском Училище и осматривал его. Заведующий музеем сообщил мне, что они не могут дать музея, т. к. он чисто научный и необходим для показа слушателям Михайловской Артиллерийской академии, которая до сих пор функционирует и впредь будет принимать слушателей.

Был в Адмиралтейском сов. насчет постановки караула при квартире, где нагодится музей Конного полка, но в Штабе Красной Армии мне отказали, т. е. люди отказываются занять караулы, мотивируя малой дачей хлеба. Просили прддти завтра в субботу. В Финляндском полку уложил 4 ящика для музея. Пушка будет перевезена в понедельник или во вторник. Звонил по телефону и ходил в Хоз. Автогужевой отдел заказывал автомобиль для перевозки музея, но оказалось, что надо дать 250 р., а потом уже дадут автомобиль. Нашел 8 человек рабочих для перевозки музея в Трудовой Артели». — АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 10, л. 13—13-об.

⁴⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 38.

⁴⁵ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 43.

⁴⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 69—69-об.

⁴⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 65.

⁴⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 146.

⁴⁹ Свидетельством в данном случае является отношение Гущика в Петроградскую районную управу от 15 апреля 1918 г.: «Прошу Петроградскую Районную управу выдать ордер на вторую половину апреля месяца на получение ежедневно 10 фунтов хлеба, для служащих вверенной мне организации. Вместе с тем, принимая во внимание, что служащие в Петроградском Артиллерийском музее, в составе шести товарищей также привлечены с 1-го апреля с. г. к работам вверенной мне организации, прошу не отказать в выдаче другого ордера на получение ими хлеба на шесть служащих, независимо ордера первого, ибо получение хлеба по одному с ними ордеру явилось бы крайне затруднительно ввиду того, что их работа протекает не в одном с нами помещении».

АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 136.

⁵⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 9—9-об.

Высокоталантливый рисовальщик и живописец П. А. Федотов (1815—1852). В 1833 г. он окончил первым учеником курс 1-го Московского кадетского корпуса. Был выпущен прапорщиком в л.-гв. Финляндский полк. В 1844 г. был уволен по прошению с чином капитана и правом носить военный мундир. Коллекция произведений Федотова и предметы, относящиеся к его памяти, были Организацией переданы в Русский музей.

⁵¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 33, л. 9.

Генерал-адъютант генерал-фельдмаршал граф Д. А. Милютин (1816—1912) в юности воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, по окончании курса которого в 1833 г. определился фейерверкером в батарею № 2 роты л.-гв. 1-й Артиллерийской бригады. В том же году Милютин был произведен по экзамену в прапорщики Гвардейской артиллерии. В 1908 г. в день 75-летия Милютина в офицерских чинах ему был пожалован украшенный драгоценными камнями настольный портрет императора. Эту свою награду граф Милютин завещал родной для себя л.-гв. 1-й Артиллерийской бригаде. Бриллианты семей фельдмаршала были заменены поддельными, с целью учреждения фонда имени фельдмаршала графа Милютина.

Организация передала этот портрет на золотой колонне в Зимний дворец.

⁵² АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 151.

⁵³ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 51, л. 90.

Трубы старинные, относящиеся к 60-м гг. XVIII в.

⁵⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 1, л. 137.

⁵⁵ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 140—140-об.

⁵⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 193; ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 201—201-об.

⁵⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.